

№ 6.
1945.

СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
1945

ВЫПУСК

VI/XXII

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Т. ГОЛЯКОВА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР
Москва-1946

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Руководящее указание Пленума Верховного суда СССР	3
Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Союза ССР	4

Цена 1 р. 30 к.

Редактор В. П. Усов. Подписано к печати 19/VIII 1946 г. Печ. л. 2. Уч.-изд. л. 2,69
В печ. л. 53310 зн. А10315 Зах. 870. Тираж 25000

Набрано в типографии «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», Москва, Сушевская, 21.
Отпечатано в типографии Углетехиздата Министерства Западугля СССР
Елецкий, 7.

РУКОВОДЯЩЕЕ УКАЗАНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

О недопустимости рассмотрения кассационного протеста, снятого до судебного заседания вышестоящим прокурором

Постановление от 10 июля 1945 г. № 10/19/У

В судебной практике по-разному разрешается вопрос о праве суда второй инстанции на рассмотрение кассационного протеста прокурора в тех случаях, когда вышестоящий прокурор считает необходимым до судебного заседания такой протест снять. Некоторые суды в этих случаях не назначают протестов к рассмотрению, другие же рассматривают такие протесты и выносят по ним определения.

Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Эстонской ССР приняла к своему рассмотрению и вынесла 15 марта 1945 года определение по кассационному протесту нижестоящего прокурора по делу Рудисаар, хотя прокурор Эстонской ССР еще 7 марта письменно сообщил в Верховный суд, что протест им снимается.

Такое разнообразие в судебной практике объясняется тем, что в процессуальном законодательстве почти всех союзных республик отсутствуют прямые указания по этому вопросу, за исключением УПК УССР, статья 337 которого предоставляет право вышестоящему прокурору или его представителю, в случае несогласия, снять или изменить кассационный протест, поданный нижестоящим прокурором.

В связи с изложенным Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующее указание.

По точному смыслу ст. ст. 113—117 Конституции СССР и Положения о Прокуратуре СССР (СЗ СССР 1934 г. № 1, ст. 2-6) органы прокуратуры строятся и действуют на основах строгой централизации и соподчиненности. Подача прокурором кассационного протеста представляет собой, при этих условиях, процессуальный акт, исходящий от прокурора не как от отдельной личности, а как от представителя прокуратуры, являющейся единым централизованным учреждением. По изложенным выше основаниям распоряжение вышестоящего прокурора является обязательным к исполнению для прокурора, подавшего протест. Поэтому снятие вышестоящим прокурором до судебного заседания кассационного протеста, как лишающее тем самым права нижестоящего прокурора поддерживать такой протест в суде, следует рассматривать как неподачу протеста, и суд второй инстанции, в силу ст. 411 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик, не должен рассматривать этот протест.

Председатель суда, в который был направлен протест, признавая это необходимым, вправе в указанных случаях обратиться к Председателю Верховного суда союзной республики или к Председателю Верховного суда СССР по принадлежности с представлением о внесении протеста на приговор в порядке надзора, либо сам внести такой протест, если это право ему предоставлено в силу ст. 16 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

1. Систематическое незаконное получение продуктов в крупных размерах путем присвоения продовольственных карточек, полученных по фиктивным документам, дает основание для применения к виновным в этом лицам закона от 7 августа 1932 г.

Дело Чес. Осуждена Свердловским областным судом по закону от 7 августа 1932 г. Определение от 26 мая 1945 г.

Чес признана виновной в том, что она, работая в 1944 г. старшим бухгалтером на Нижне-Сергинском рыбном заводе и являясь уполномоченным по раздаче рабочим завода продовольственных карточек, систематически вносила в списки на получение продкарточек лиц, не работавших на заводе, и получала на них продкарточки, которые затем присваивала.

Из материалов дела видно, что Чес за период с января по август 1944 г. использовала продкарточек на 763 кг хлеба и на 9,6 кг сахара.

Чес виновной себя признала. Верховный суд РСФСР, рассмотрев жалобу Чес и исходя из характера совершенного преступления и количества присвоенных ею продкарточек, переквалифицировал преступление на ст. 109 УК РСФСР и назначил ей наказание — 6 лет лишения свободы.

Определение Верховного суда РСФСР нельзя признать правильным по следующим основаниям: хищение обвиняемой продовольственных карточек носило систематический характер, показаниями самой Чес и материалами дела это установлено.

Размер похищенного и причиненный действиями Чес ущерб является крупным. Таким образом, основания для переквалификации преступления Чес с закона от 7 августа 1932 г. на ст. 109 УК РСФСР отсутствовали.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Чес отменить и дело передать в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР на новое рассмотрение в другом составе коллегии.

2. Использование должностным лицом государственного учреждения или общественной организации для незаконных операций, повлекших нарушение нормальной хозяйственной или торговой деятельности этих учреждений или организаций и причинивших ущерб законным правам и интересам отдельных граждан, является тяжким видом злоупотребления служебным положением, влекущим суровую ответственность как для исполнителей, так и для активных соучастников.

Дело Футуридзе и Брегадзе. Первый осужден народным судом 1-го участка г. Кутаиси по ст. 114 УК Грузинской ССР (злоупотребление служебным положением); второй по этой же статье оправдан. Определение от 5 мая 1945 г.

Футуридзе, работавший в Кутаисском отделении Грузторга, а по данному делу действовавший в качестве частного лица, в мае 1943 г. предложил председателем правлений колхозов в селе Маглаки Цхалтубского района Грузинской ССР приобрести и доставить для снабжения колхозников каменную соль в количестве двух вагонов. С этой целью с колхозников было собрано 400 000 руб. из расчета по 10 руб. за килограмм соли.

В дальнейшем, установив связь с председателем Цхалтубского райпотребсоюза Брегадзе, Футуридзе получил от него требования, адресованные в Наркомторг Грузинской ССР и на имя управляющего Грузинской конторы Глав-

соли об отпуске и отгрузке трех вагонов соли во внеплановом порядке для Цхалтубского райпотребсоюза, причем два вагона соли должны были быть направлены в адрес колхоза имени 15-й партконференции.

По указанным требованиям и нарядам Футуридзе получил и погрузил 8 июня 1943 года 12,5 тонн соли ценою 481 руб. за тонну на сумму 5387 руб. в адрес Цхалтубского райпотребсоюза и 42,9 тонн соли по той же цене на сумму 18490 руб. в адрес колхоза имени 15-й партконференции.

Никаких оправдательных документов на доставку соли Футуридзе не представил, заявляя, что 400 000 руб., собранные с колхозников, им целиком израсходованы на оплату рабочих и транспорта, за исключением 6 000 руб., которые он оставил себе в качестве вознаграждения за организацию этой операции. Проверить правильность утверждения Футуридзе не представилось возможным, так как он расходовал деньги безотчетно и никаких документов не имеет.

Вагон соли, доставленный в адрес Цхалтубского райпотребсоюза, был оплачен, по объяснению Футуридзе, полностью из средств колхозников и ничего райпотребсоюзу не стоил. Из материалов дела видно, что оприходован этот вагон не был, в торговую сеть не поступил, а по распоряжению Брегадзе все 12,5 тонн соли были поделены между сотрудниками райпотребсоюза.

Два вагона соли весом 42,9 тонны были распределены между колхозниками пяти колхозов по спискам, причем председатели колхозов Жоржолиани, Иеселлиани, Марголашвили и Джавахадзе увеличили стоимость килограмма соли до 20 руб., «заработав» на этой операции в пользу колхозов за счет колхозников свыше 450 000 руб.

Дело о незаконном получении и распределении соли рассматривалось два раза.

Народный суд Цхалтубского района, при рассмотрении дела 26 апреля 1944 г. квалифицировал действия подсудимых по ст. ст. 114, 117 и 118 УК Грузинской ССР и осудил их к мягким мерам наказания.

По протесту прокурора Верховный суд Грузинской ССР 25 мая 1944 г. отменил приговор по тем мотивам, что народный суд не учел общественной опасности действий обвиняемых и назначил им мягкое наказание. Дело было направлено для нового рассмотрения в народный суд 1-го участка г. Кутаиси. Однако при вторичном рассмотрении дела приговор был вынесен еще более мягкий, причем из восьми обвиняемых четверо, в том числе Брегадзе, были оправданы, а делец Футуридзе осужден лишь на один год исправительно-трудовых работ.

Оправдательный приговор в отношении Брегадзе суд мотивировал тем, что соль он получал по требованиям с ведома наркома торговли и местных властей и что в неправильном распределении соли он неповинен, так как один вагон соли, полученный на имя райпотребсоюза, он отпустил без всякого повышения цен.

Верховный суд Грузинской ССР 29 июня 1944 г. не только оставил в силе этот приговор, но в противоречие со своим же определением от 25 мая 1944 г. снизил Жоржолиани наказание с четырех лет лишения свободы до одного года исправительно-трудовых работ.

Действия председателя райпотребсоюза Брегадзе и председателей колхозов необходимо было квалифицировать как злоупотребление служебным положением по ст. 114 УК Грузинской ССР. Действия же дельца Футуридзе, поскольку они не были связаны с его служебным положением, ввиду того, что следствием не установлено прямых доказательств расхищения им денег, собранных с колхозников, — по ст. ст. 17—114 УК Грузинской ССР, так как он являлся инициатором незаконного получения соли и участником неправильного ее распределения.

Приговор народного суда 1-го участка г. Кутаиси является неправильным не только в отношении Брегадзе и Футуридзе. И в отношении должностных лиц колхоза, допустивших явное злоупотребление служебным положением при получении и распределении 42,9 тонн соли, с перебором более 450 000 руб. с колхозников, приговор также является неправильным и мягким. Однако ввиду того, что дело тянется уже более двух лет, а переполученные с колхозников суммы им возвращены, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного

суда СССР считает нецелесообразным в настоящее время в третий раз отменять приговор в отношении всех осужденных.

В отношении же Брегадзе и Футуридзе народным судом, а также и Верховным судом Грузинской ССР допущена не только недооценка общественной опасности их действий, но и явно неправомерная мотивировка оправдания Брегадзе, затушевывание при изложении обстоятельств дела роли Футуридзе и неправомерная замена ему назначенного судом лишения свободы исправительно-трудовыми работами.

Народный суд, вынося Брегадзе оправдательный приговор, мотивировал это тем, что: а) Брегадзе получал соль с ведома наркома торговли и местных властей, б) что он неповинен в неправильном распределении соли и в) что вагон соли, полученный в адрес райпотребсоюза, он отпустил без нарушения цен.

1. Наркомат торговли Грузинской ССР и Грузинское отделение Главсоли, получив требование на отпуск трех вагонов соли для Цхалтубского райпотребсоюза, давая санкцию на отгрузку соли, не могли знать о том, что соль будет получать частное лицо и что она будет распределяться не через торговую сеть кооперации, а частным путем с бесконтрольной наценкой накладных расходов свыше 4500% (вместо 43 коп. кг по 20 руб. за кг).

Брегадзе, как председателю райпотребсоюза, должно быть известно, что отпускаемые с госпредприятий как в плановом, так и внеплановом порядке продукты и товары должны распределяться среди потребителей через государственную или кооперативную торговую сеть с начислением транспортных и иных торговых расходов, в установленном порядке. Всякий же иной способ реализации государственной продукции приводит к бесконтрольности, злоупотреблениям и хищениям.

Роль Брегадзе по данному делу выразилась в том, что он вступил в соглашение с дельцом Футуридзе и, не желая обременять своего аппарата, передал последнему как требование на получение соли, так и все заботы по ее доставке к месту назначения. Это и повело к тому, что 42,9 тонны соли, отпущенные за 18 500 руб., обошлись колхозникам в 400 000 руб., а кроме того, делалась попытка получить с них еще 450 000 руб. «в пользу колхозов».

Суд указал в приговоре, что Брегадзе неповинен в неправильном распределении соли. Однако соль получена по заявке райпотребсоюза, и Брегадзе, как председатель, подписавший требование в Наркомторг и отделение Главсоли, должен был обеспечить контроль за ее получением, доставкой и распределением. Передав его частным лицам, он должен в первую очередь нести ответственность за последствия.

2. Суд указал также в приговоре, что Брегадзе один вагон соли, полученный в адрес райпотребсоюза, отпустил без всякого повышения цен. Однако суд не отметил в приговоре следующих обстоятельств:

а) стоимость 12,5 тонн соли, доставленной в этом вагоне, а также стоимость перевозки и другие накладные расходы оплачены не из средств райпотребсоюза, а из 400 000 руб., собранных с колхозников, т. е. этот вагон соли получен райпотребсоюзом бесплатно за счет колхозников;

б) соль в распоряжение потребителя через торговую сеть не поступила, а была поделена сотрудниками райпотребсоюза, в том числе часть соли получил для себя и Брегадзе.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что Брегадзе отдавал себе отчет в незаконности всей операции с солью и сознательно вступил в сделку с Футуридзе и колхозами, имея в виду без затраты труда и средств получить 12,5 тонн соли за счет колхозников с тем, чтобы незаконно и бесконтрольно распределить ее среди сотрудников райпотребсоюза. Суд же, вынося ему оправдательный приговор, не учел этого обстоятельства.

Футуридзе, работая экспедитором Грузторга, по данному делу действовал в качестве частного лица и являлся организатором незаконного получения соли и бесконтрольно расходовал деньги за доставку. Наказание, назначенное ему судом в два года лишения свободы, является мягким, а между тем, суд безмотивно неотбытый им год лишения свободы заменил исправительно-трудовыми работами.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка г. Кутаиси и определение Верховного суда Грузинской ССР в отношении Футуридзе и Брегадзе отменить и дело передать для рассмотрения по существу в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР.

3. Обвинение в злоупотреблении служебным положением из корыстных мотивов должно быть основано на тщательно исследованных данных, свидетельствующих о конкретных преступных действиях должностного лица, повлекших незаконное обращение в свою собственность государственного или общественного имущества

Дело Гусейнова. Осужден народным судом Ждановского района по ст. 143 УК Азербайджанской ССР (злоупотребление служебным положением). Определение от 5 мая 1945 г.

Гусейнов признан виновным в том, что он, работая заведующим складом хлопкового совхоза, незаконно обратил в свою собственность 680 кг овса и 76 мешков, принадлежащих совхозу.

Приговор народного суда и определение Верховного суда Азербайджанской ССР подлежат отмене по следующим основаниям. Как видно из материалов дела, Гусейнов в присвоении 680 кг овса и 76 штук мешков, принадлежащих совхозу, виновным себя не признал и заявил, что 3 апреля 1944 г. утром, являясь на склад, он обнаружил хищение овса и мешков, о чем немедленно заявил в отделение милиции. Получив указанное заявление, органы милиции, вместо тщательного его расследования, ограничились лишь составлением акта о том, что никаких признаков следов хищения обнаружено не было. Комиссия, производившая 12 апреля 1944 г. проверку склада, подробно не анализировала причин, вследствие которых образовалась у Гусейнова недостача, и не указала в акте, в каком состоянии находился учет и отчетность склада. Этот вопрос не был исследован и в процессе судебного следствия.

Обвинительный приговор в отношении Гусейнова суд обосновал лишь на одном акте, составленном органами милиции.

Суд, признавая Гусейнова виновным в злоупотреблении своим служебным положением, не указал в приговоре, в чем конкретно выразилась вина Гусейнова. При наличии указанных данных следует признать, что дело в отношении Гусейнова является недоследованным. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Ждановского района Азербайджанской ССР и определение Верховного суда Азербайджанской ССР отменить. Дело в отношении Гусейнова передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

4. Невыполнение должностным лицом по небрежности своих обязанностей по службе содержит состав халатности, а не злоупотребления служебным положением

Дело Никульшина. Осужден народным судом Троекуровского района Рязанской области по ч. 2-й ст. 116 и ст. 109 УК РСФСР. Определение от 12 мая 1945 г.

Никульшин признан виновным в том, что, работая председателем колхоза «Путь к социализму», он проявил бездеятельность, вследствие которой колхоз оказался неподготовленным к севу. Семенами зерновых колхоз был обеспечен только на 21% и картофелем на 3,6%. Колхоз имел большие потери семян

с сортовых участков при уборке осенью 1944 г. ввиду затяжки уборочных работ. Агротехнические мероприятия не выполнялись, труддисциплина была ослаблена, труд колхозников не организован, учет не налажен. В результате преступной бездеятельности Никульшина в колхозе за I квартал 1940 г. пало семь лошадей, заболело чесоткой 25 лошадей, но должных мер к излечению их не принималось. Кроме того в колхозе произошел падеж пяти свиноматок.

Никульшин также признан виновным в том, что он растратил 8103 руб колхозных средств и в целях погашения растроченной суммы представил фиктивные документы на приобретение смазочных вещей, вожжей, постромок, бумаги и других предметов.

По делу установлено, что в колхозе действительно имел место падеж семи лошадей и пяти свиноматок ввиду плохого ухода за ними, а также заболевания 25 лошадей чесоткой. Вина Никульшина в данном случае состоит в том, что он не принял надлежащих мер к нормальному уходу за лошадьми, проявив халатное отношение к своим служебным обязанностям. Причины заболевания лошадей чесоткой по делу не выяснены. Падеж свиней произошел по вине свиноводки Никульшиной Анны, которая осуждена по настоящему делу. Как видно из показаний Никульшиной Александры, осужденный принимал меры к лечению лошадей, заболевших чесоткой, но конюхи плохо относились к порученному делу, в связи с чем болезнь приняла затяжной характер.

Необеспеченность колхоза семенами Никульшин объяснил в судебном заседании тем, что в 1944 г. был плохой урожай зерновых и картофеля. Суд не учел этого объяснения подсудимого.

Утверждение суда о том, что Никульшин не выполнял агротехнических правил, является необоснованным, так как конкретных фактов этого невыполнения в приговоре не приводится.

Необоснованным является обвинение Никульшина в растрате 8103 руб. Осужденный по этому поводу показал, что указанная сумма им была израсходована на приобретение смазочных материалов, упряжи и бумаги. Эти его показания частично подтверждаются показаниями свидетелей. Вина Никульшина в данном случае состоит в том, что он не оформил документами произведенных расходов и не оприходовал купленные им материалы.

При наличии таких данных квалификация преступления Никульшина по ст. ст. 109 и 116 ч. 2 УК РСФСР является неправильной. Действия Никульшина надлежит квалифицировать по ст. 111 УК РСФСР.

Ввиду изложенного Судебная коллегия определила:

Переквалифицировать преступление Никульшина со ст. 116 ч. 2 и ст. 109 на ст. 111 УК РСФСР и определить ему меру наказания в виде исправительно-трудовых работ на один год по месту работы, с удержанием 20% из заработка и с зачетом отбытого им срока из расчета один день лишения свободы за три дня исправительно-трудовых работ.

5. Незаконное использование должностным лицом вверенного имущества, лишенное корыстных мотивов, не может квалифицироваться как растрата, предполагающая незаконное обращение вверенного имущества в свою собственность

Дело Чичетиной. Осуждена народным судом Полетаевского района Тамбовской области по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР. Определение от 26 мая 1945 г.

Чичетина признана виновной в том, что, работая заместителем председателя правления Павловского сельпо, она во время перевозки с Тамбовского водочного завода 400 литров водки незаконно израсходовала в пути 25 литров, расплачиваясь водкой за ночлег и другие необходимые услуги.

Виновность Чичетиной доказана, однако, преступление ее судом неправильно квалифицировано по ст. 116 ч. 2 УК РСФСР.

Преступление ее, выразившееся в разбазаривании водки, должно быть квалифицировано по ст. 109 УК РСФСР.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Полетаевского района и определение Тамбовского областного суда в отношении Чичетиной изменить, преступление ее переквалифицировать на ст. 109 УК РСФСР, определив ей наказание в один год исправительно-трудовых работ, по месту работы, с удержанием 25% из зарплаты.

6. Соккрытие путем обмана следов хищения или присвоения после совершения преступления не может квалифицироваться как мошенничество, предполагающее, что обман являлся средством к незаконному получению имущества и предшествовал такому получению

Дело Андрияновой и Шишкиной. Осуждены народным судом Сунженского района Грозненской области по ч. 1 ст. 169 УК РСФСР. Определение от 12 мая 1945 г.

Андриянова и ее сестра Шишкина признаны виновными в присвоении путем обмана личного имущества, принадлежавшего Балаеву и его жене, проживавшим в квартире Андрияновой. Воспользовавшись тем, что Балаев арестован, а его жена 22 февраля 1944 г. выехала к нему в г. Грозный, Андриянова и Шишкина поделили между собой их домашние вещи, и 25 февраля 1944 г. Андриянова сделала органам милиции заявление о том, что какие-то лица ограбили квартиру и похитили вещи Балаева, умолчав о том, что большая часть вещей находится у нее и Шишкиной. Обыском, произведенным у Андрияновой и Шишкиной, все эти вещи были обнаружены. Изъятые вещи суд постановил передать в распоряжение Сунженского райисполкома, как имущество, принадлежащее лицам, подлежащим переселению из данной местности.

Если бы дело обстояло так, как оно изложено в приговоре, то нельзя было бы признать правильной квалификацию действий осужденных по ст. 169 УК РСФСР, карающей за мошенничество. В данном случае, согласно приговору, осужденные признаны виновными в присвоении имущества Балаевых. Обман же органов власти путем ложного заявления о хищении вещей служил средством сокрытия преступления. Это присвоение имущества надлежало квалифицировать по ст. 168 ч. 1 УК РСФСР. Что касается ложного заявления Андрияновой органам милиции о хищении вещей Балаевых, то если бы это относилось к факту, действительно имевшему место, т. е. указывало бы на лиц, действительно приходивших в квартиру Андрияновой, такое заявление следовало бы рассматривать, как самостоятельное преступление, а именно, как ложный донос, сделанный с корыстной целью, и квалифицировать по ст. 95 ч. 2 УК РСФСР, как это сделали органы расследования. В противном случае оно являлось бы только обстоятельством, отягчающим действия осужденных. Независимо от этого, приговор является неправильным и по существу, так как обвинения, предъявленные осужденным, не основаны на данных дела.

В своем заявлении, поданном 25 февраля 1944 г. ответственному дежурному Сунженского райотделения НКВД, Андриянова сообщила, что в этот день в 9 час. вечера к ней явились два лица, одетые в военную форму, один из них вооруженный автоматом, и назвавшись работниками НКВД, прибывшими из г. Грозного, забрали в присутствии ее и ее сестры Шишкиной из комнаты Балаевых часть вещей, выдали ей расписку и заявили, что за остальными вещами, оставшимися в комнате Балаевых, они придут на следующий день. Будучи в тот же день допрошена, Андриянова дополнила свое заявление следующими показаниями. Жена Балаева, уезжая в г. Грозный к мужу, оставила ей на хранение часть принадлежащих им вещей. В целях их сохранности Андриянова некоторые из этих вещей перенесла в свою комнату, а часть сложила в кладовую.

25 февраля еще днем к ней явился один из военных и заявил ей, что он, его начальник и шофер, хотят остановиться у нее на квартире. Вечером, когда у нее была ее сестра Шишкина, вновь явились двое военных, потребовали, чтобы она открыла комнату Балаевых, и стал собирать их вещи. Сестра ее попросила их, чтобы они некоторые вещи отдали ей. Они ей дали то, что она просила. Она, Андриянова, позвала к себе в качестве свидетеля соседку Милушкину и в ее присутствии она потребовала от военных расписку в том, что они взяли вещи. Такую расписку они ей выдали (Андриянова представила ее к делу). После того, как они ушли, она пошла в отделение НКВД, чтобы узнать, кто эти люди, которые взяли вещи. Здесь ей сказали, что это — грабители.

Свидетель Милушкина подтвердила, что Андриянова позвала ее к себе, хотя и не сказала для чего, что у Андрияновой она увидела одного красноармейца, вооруженного автоматом, стоявшего у двери, и сестру Андрияновой Шишкину. Когда в квартиру вошел второй красноармеец, то Андриянова потребовала у него расписку. В ее присутствии никаких вещей военные не брали, но тот, кто вошел при ней, заявил Андрияновой, что он расписку даст, и начал ее при ней писать.

Шишкина дала показания, соответствующие показаниям Андрияновой.

В деле нет никаких указаний на то, что следственные органы приняли какие-либо меры для того, чтобы проверить заявление Андрияновой, подтвержденное свидетельницей Милушкиной. Все обвинение основано на том, что при обыске у Андрияновой и Шишкиной были найдены вещи Балаевых, а о нахождении у них этих вещей Андриянова умолчала в своем заявлении, сделанном органам НКВД.

Как уже было указано, Андриянова показала об этих вещах во время ее допроса 25 февраля, тогда как протоколы обысков датированы 26 февраля. Но если даже признать установленным, что Андриянова, как она признала в судебном заседании, не заявляла об этих вещах до обыска, то это вовсе еще не свидетельствует о том, что Андриянова с умыслом умолчала об этих вещах. Обвинение было бы обосновано в том случае, если бы у Андрияновой или Шишкиной были найдены вещи, которые по ее заявлению были взяты и унесены теми лицами, о которых она показала. Однако таких вещей не найдено.

При наличии таких данных обвинение Андрияновой и Шишкиной в инкриминируемых им действиях нельзя признать доказанным. Поэтому Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда Сунженского района и последующие определения Грозненского областного суда и Верховного суда отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

7. По делам о хищениях необходимо тщательно исследовать вопрос об умысле обвиняемого на изъятие имущества с целью незаконного обращения его в свою собственность

Дело Евдокимова и Генбача. Осуждены Молотовским областным судом по п. «г» ст. 162 УК РСФСР. Определение от 19 мая 1945 г.

Евдокимов и Генбач признаны виновными в том, что они, работая на заводе, первый — начальником смены, а второй — слесарем, 30 апреля 1944 г. путем взлома замков похитили из расположенной на территории завода инструментальной мастерской Соликамстроя некоторые слесарные инструменты.

Евдокимов и Генбач виновными себя не признали.

Приговор в отношении их подлежит отмене, а дело прекращению производством по следующим основаниям.

Из дела видно, что Евдокимов с целью обеспечения рабочих своей смены инструментами действительно сломал в мастерской замок и взял из нее некоторые инструменты, а Баранов и Бойков, воспользовавшись тем, что Евдокимов оставил мастерскую незапертой, похитили из нее часть инструментов, два полу-

шубка и две пары сапог, причем все похищенное впоследствии было обнаружено и возвращено мастерской.

Судом не установлено, что Евдокимов принимал участие в краже инструментов. Вина его заключается лишь в том, что он сломал замок и оставил мастерскую не запортой, однако за это на него могло быть наложено взыскание в дисциплинарном порядке.

Что касается Генбача, то установлено, что он, узнав о взломе в мастерской замка, с целью сохранения от расхищения находившихся в ней инструментов часть их перенес в другое помещение, о чем тогда же и сообщил начальнику электротехнической мастерской Трухину.

При таких данных нельзя признать в действиях Генбача состава преступления.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Молотовского областного суда и определение Верховного суда РСФСР в отношении Евдокимова и Генбача отменить, дело о них в уголовном порядке производством прекратить.

8. Использование мобилизованного не по специальности не является обстоятельством, освобождающим его от ответственности за самовольный уход с предприятия, куда он был мобилизован

Дело Парахонина. Осужден Кустанайским областным судом по Указу от 26 декабря 1941 г. Верховным судом Казахской ССР дело прекращено. Определение от 26 мая 1945 г.

Парахонин признан виновным в том, что, работая в транспортном тресте «Коркинуголь» в качестве шлакоуборщика, как мобилизованный райвоенкоматом по месту жительства, самовольно оставил работу. Получив в июне 1944 г. отпуск на семь дней, Парахонин поехал в свой колхоз «Советский землероб» и по истечении срока отпуска на работу в «Коркинуголь» не вернулся, а остался работать в колхозе.

Верховный суд Казахской ССР отмену приговора и прекращение дела производством мотивировал тем, что Парахонин не вернулся на работу в силу того, что он был оставлен для работы в колхозе как специалист по коневодству. На предприятии же он работал не по специальности и поэтому он должен был быть возвращен для работы в колхоз. Определение Верховного суда Казахской ССР не может быть оставлено в силе, так как оно содержит неправильные мотивы отмены приговора. Смысл их сводится к утверждению, что поскольку Парахонин используется по месту работы, куда он был направлен по мобилизации, не по специальности, то он подлежит освобождению от мобилизации. Такое решение представляет собой незаконное вмешательство со стороны суда в действия государственных органов, ведающих мобилизацией и использованием рабочей силы.

Суд может признать мобилизацию данного лица незаконной в том случае, если будет установлено, что это лицо в силу закона не подлежало мобилизации. Между тем, в отношении Парахонина нет никаких данных для утверждения, что он не подлежал мобилизации. Приводя эти неправильные мотивы, Верховный суд Казахской ССР оставил без обсуждения основной вопрос по делу—правильно ли Парахонин признан виновным в самовольном уходе с предприятия. Как показал Парахонин, председатель колхоза Пилявский предложил ему остаться работать в колхозе, ссылаясь на то, что имеется указание об оставлении специалистов. Пилявский остался не допрошен ввиду того, что он был призван в ряды Красной Армии.

Некоторым подтверждением показаний Парахонина может служить то обстоятельство, что правление колхоза возбуждало ходатайство об оставлении

Парахонина в колхозе перед местным райвоенкоматом и трестом «Коркинуголь». При этих условиях не исключено, что Парахонин мог быть введен в заблуждение в вопросе об обязанности его вернуться к месту работы по истечении срока отпуска. Поскольку эти обстоятельства не проверены, осуждение Парахонина не обосновано. Считая, вместе с тем, нецелесообразным направлять дело на новое рассмотрение в данное время, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда Казахской ССР от 5 февраля и приговор Кустанайского областного суда отменить и дело по обвинению Парахонина производством прекратить.

9. Вопрос о разграничении понятий уклонения от мобилизации на производство и строительство и самовольного ухода мобилизованного не может разрешаться в зависимости от того, в какую отрасль народного хозяйства мобилизован обвиняемый

Дело Гумина. Осужден народным судом Липканского района Молдавской ССР по Указу от 13 февраля 1942 г. Определение от 23 мая 1945 г.

Гумин признан виновным в том, что он в июле 1944 г. уклонился от работы в угольной промышленности, куда он был мобилизован.

Верховный суд Молдавской ССР приговор народного суда отменил с направлением дела на новое рассмотрение в Военный трибунал войск НКВД, с указанием в определении на необходимость предъявления Гумину обвинения по Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 декабря 1941 г., так как он был мобилизован на работу в угольную промышленность, имеющую оборонное значение.

Определение Верховного суда Молдавской ССР является неправильным по следующим основаниям: вопрос о разграничении понятий уклонения от мобилизации и самовольного ухода мобилизованного не может разрешаться в зависимости от того, в какую отрасль народного хозяйства был мобилизован обвиняемый. Этот вопрос подлежал разрешению на основании того, явился ли обвиняемый к месту работы и был ли он зачислен на работу. Гумин же не только не был зачислен, но даже и не явился к месту назначения. Поэтому действия его, выразившиеся не в самовольном уходе с работы, а в сознательном неподчинении приказу о мобилизации и неявке к месту мобилизации, были правильно квалифицированы народным судом как уклонение от мобилизации по Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 13 февраля 1942 г.

Недочет квалификации заключается лишь в том, что поскольку Гумин был мобилизован не по месту жительства, как это предусмотрено Указом от 13 февраля 1942 г., то в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. его действия подлежали квалификации по этому Указу по аналогии, т. е. через ст. 7 УК УССР. Кроме того, народный суд неправильно назначил Гумину наказание исправительно-трудовые работы с отбыванием на общих основаниях. По постановлению Пленума Верховного суда СССР от 11 ноября 1943 г. наказание в указанных случаях Гумин должен отбывать по месту работы, на которую он был назначен по мобилизации.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР определила:

Определение Верховного суда Молдавской ССР в отношении Гумина отменить и оставить в силе приговор народного суда, считая Гумина осужденным по ст. 7 УК УССР и Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. с отбыванием Гуминым исправительно-трудовых работ по месту мобилизации.

10. Рабочий или служащий подлежит освобождению от работы в связи с поступлением в специальное, а не в любое среднее учебное заведение

Дело Борисовой. Определение от 19 мая 1945 г.

Борисова, окончив ремесленное училище швейников, 9 августа 1944 г. поступила швеей на фабрику им. Горького, но, проработав на фабрике до 26 сентября 1944 г., работу самовольно оставила и поступила на учебу в 7-й класс средней школы.

Народный суд 1-го уч. Железнодорожного района г. Киева, признав виновность Борисовой в самовольном оставлении работы доказанной, осудил ее по ч. 1 ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. на четыре месяца тюремного заключения.

Верховный суд УССР по протесту Председателя Верховного суда УССР приговор народного суда отменил и по п. «д» ст. 4 УПК УССР дело производством прекратил по тем мотивам, что Борисова ушла с фабрики им. Горького в связи с поступлением ее на учебу в среднюю школу.

Определение Верховного суда УССР является неправильным по следующим основаниям: по п. «б» ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. рабочий или служащий подлежит освобождению с работы в связи с поступлением не в любое среднее учебное заведение, а только в среднее специальное учебное заведение, к числу которых общая средняя школа, в которую поступила Борисова, не может быть отнесена.

Если бы Борисова поступила и в среднее специальное учебное заведение, то и в таком случае это не давало бы оснований для освобождения ее от работы, так как в соответствии со ст. 10 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах» лица, окончившие ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО, считаются мобилизованными и обязаны проработать четыре года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при СНК СССР. Поэтому следует признать, что на эту категорию лиц не распространяется действие п. «б» ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. Учитывая, однако, нецелесообразность обращения в настоящее время приговора к исполнению, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда УССР в отношении Борисовой изменить, считая дело прекращенным не по ст. 4 п. «д» УК УССР, а по ст. 5 того же УПК за нецелесообразностью применения в настоящее время к Борисовой уголовного наказания.

11. Дезертирство предполагает умышленную вину, поэтому невозвращение после отпуска к месту работы лица, введенного в заблуждение и полагавшего поэтому свои действия законными, не содержит состава дезертирства

Дело Раимкулова. Осужден Андижанским областным судом по Указу от 26 декабря 1941 г. Определение от 12 мая 1945 г.

12 ноября 1941 г. Раимкулов был райвоенкоматом мобилизован в Красную Армию и направлен на работу в шахту Караганда-Уголь. 1 июня 1942 г. Раимкулов, получив отпуск на 25 дней, приехал к себе на побывку домой, откуда он на работу на шахты Караганда-Уголь не вернулся.

Приговор Андижанского областного суда и определение Верховного суда подлежат отмене по следующим мотивам:

Материалами дела виновность Раимкулова в дезертирстве не установлена. Из дела видно, что по окончании отпуска Раимкулов был принят на работу механика-тракториста в 1-ю Ворошиловскую МТС. Раимкулов предупредил в свое время перед поступлением на работу директора МТС Хаджаева о том, что он, Раимкулов, находится в отпуску и обязан вернуться к прежней работе.

Директор МТС Хаджаев заверил Раимкулова, что он все уладит в военкомате, и через некоторое время заявил Раимкулову, что он получил в военкомате бронею на трактористов и механиков и в том числе на него.

Таким образом, Раимкулов около полутера лет работал в МТС, а затем был арестован, как дезертир.

При таких данных у суда не было достаточных оснований выносить Раимкулову обвинительный приговор.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Андижанского областного суда и определение Верховного суда Узбекской ССР в отношении Раимкулова отменить и дело о нем за отсутствием в его действиях состава преступления в уголовном порядке производством прекратить.

12. По делам, связанным с мобилизациями на производство и строительство, необходимо проверить законность и обоснованность мобилизации и подлежал ли мобилизации обвиняемый

Дело Жангильдаева. Определение от 30 мая 1945 г.

Определением подготовительного заседания Кзыл-Ординского областного суда было прекращено дело Жангильдаева по Указу от 26 декабря 1941 г. по обвинению его в том, что он дезертировал с производства «Аралсоль» Главсоли Наркомпищепрома СССР. Областной суд прекратил дело мотивировав тем, что Жангильдаев был неправильно мобилизован для работы в промышленности, так как во время мобилизации ему было 56 лет и поэтому, поскольку он был старше 55 лет, он не подлежал мобилизации для работы на производстве и строительстве.

Верховный суд Казахской ССР признал прекращение дела неправильным, так как Жангильдаеву к моменту мобилизации было не 56, а 55 лет и, следовательно, мобилизован он был правильно.

Оба определения по настоящему делу являются неправильными по следующим основаниям.

Органы расследования и суды, рассматривающие дела, связанные с мобилизацией граждан для работы на производстве и строительстве, обязаны проверять законность произведенной мобилизации, установить, произведена ли она надлежащим госорганом на основании соответствующего постановления правительства и подлежало ли данное лицо мобилизации. Ни того, ни другого органы расследования и суд по настоящему делу не проверили. Не установлено, каким органом Жангильдаев был мобилизован — райвоенкоматом или райсоветом. В материалах, представленных дирекцией «Аралсоль», указано, что Жангильдаев является военнообязанным и мобилизован Казалинским райвоенкоматом. Судя по возрасту Жангильдаева он едва ли мог быть военнообязанным.

Не установлено, на основании какого постановления правительства он мобилизован. Между тем, с этим связан вопрос о порядке ответственности его за самовольный уход с работы. Если он мобилизован на основании постановления, которым специально предусмотрена ответственность по Указу от 26 декабря 1941 г., то он подлежит этой ответственности независимо от того, распространяется ли на рабочих и служащих «Аралсоль» действие Указа от 26 декабря 1941 г. или нет. В противном случае он мог быть привлечен по Указу от 26 декабря 1941 г. только при условии, если на данное предприятие распространяется действие этого Указа. Последнее обстоятельство также не установлено. Наконец, не проверено, подлежал ли Жангильдаев мобилизации по возрасту.

Таким образом, настоящее дело следовало бы направить на доследование для выяснения всех указанных выше обстоятельств. Учитывая, однако, что Жангильдаев ушел с работы еще в 1943 г., а дело было возбуждено лишь год спустя после его ухода, а также принимая во внимание его возраст, следует признать дальнейшее ведение этого дела нецелесообразным.

Поэтому, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия определила: Определение Кзыл-Ординского областного суда и определение Верховного суда Казахской ССР по настоящему делу отменить и на основании ст. 8 УК РСФСР дело в уголовном порядке производством прекратить.

13. Суд не вправе изменять установленный законом порядок отбывания наказания

Дело Ледневой. Осуждена народным судом 2-го уч. Таганского района г. Москвы по Указу от 13 февраля 1942 г. к исправительно-трудовым работам по месту мобилизации. Московский городской суд приговор оставил в силе с указанием об отбытии осужденной наказания по месту ее «теперешней работы». Определение от 30 мая 1945 г.

Леднева признана виновной в том, что, будучи 6 декабря 1944 г. мобилизована Таганским райсоветом для работы в ремстройтрест Таганского района, она от мобилизации уклонилась и 15 декабря 1944 г. поступила на работу в Центральный универмаг «Главвоенторга» в качестве вязальщицы-надомницы.

Определение Московского городского суда об изменении порядка отбывания назначенных осужденной исправительно-трудовых работ в виде указания, что она должна отбывать их не на той работе, на которую она направлена по мобилизации, а на работе, на которую она сама поступила, незаконно, так как тем самым суд освободил осужденную от мобилизации. Между тем, суд решает вопрос о виновности или невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности за уклонение от мобилизации, но ему не принадлежит право выносить решения об освобождении от мобилизации лица, мобилизованного на законном основании, или об изменении постановлений об этом госорганов по учету и распределению рабочей силы.

Независимо от этого определение должно быть признано неправильным, так как городской суд не проверил законности приговора народного суда.

При рассмотрении дела об уклонении от мобилизации для работы на производстве и строительстве суд должен проверить, произведена ли мобилизация лица, преданного суду, законным образом. Несмотря на наличие в деле указаний на нарушение при мобилизации Ледневой установленного законом порядка мобилизации, суд этого обстоятельства не проверил.

Инструкцией о порядке учета и мобилизации трудоспособного неработающего населения для работы на производстве и строительстве, утвержденной 8 марта 1943 г. председателем Комитета по учету рабочей силы при СНК СССР, установлен порядок мобилизации, обеспечивающий выполнение Указа от 13 февраля 1942 г. о том, что мобилизация производится исполкомом соответствующего Совета депутатов трудящихся по списку, подготовленному Бюро по учету и распределению рабочей силы и утвержденному исполкомом Совета депутатов трудящихся.

Согласно этому порядку лицо, подлежащее мобилизации, вызывается повесткой в Бюро, по явке вносится в мобилизационный список и после утверждения этого списка исполкомом Совета депутатов трудящихся получает направление на работу в виде мобилизационного листка.

Судя по материалам данного дела и показаниям Ледневой, вручению ей мобилизационного листка не предшествовал вызов ее повесткой в Бюро по учету и распределению рабочей силы. Самый же мобилизационный листок составлен в день вручения его Ледневой, 6 декабря 1944 г., и подписан за председателя райисполкома инспектором Бюро Шмелевой, составившей в этот день акт об отказе Ледневой от мобилизации, причем даже по форме этот листок не соответствует данному виду мобилизации (это — листок для привлекаемых в порядке трудовой повинности).

При этих условиях прокурор, получивший сообщение об уклонении Ледневой

от мобилизации, и суд, рассматривавший дело, обязаны были проверить, произведена ли мобилизация Ледневой по списку, утвержденному райисполкомом.

Выяснить, предшествовал ли вручению Ледневой мобилизационного листка вызов ее в Бюро для внесения в мобилизационный список, важно было еще в связи с заявлением ее о том, что она 5 декабря 1944 г. подала заявление в Центральный универсум «Главвоенторга» о приеме ее на работу в качестве надомницы и поэтому она считала, что она не подлежит мобилизации.

Находя ввиду изложенного, что и приговор народного суда не может быть оставлен в силе, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда и определение городского суда отменить и дело направить прокурору для надлежащей проверки правильности мобилизации Ледневой.

14. Поступление студента на работу вне пределов ведомства, к которому относится данный вуз, само по себе не может служить доказательством намерения студента уклониться от направления на работу по окончании вуза

Дело Трушина. Осужден народным судом 3-го уч. Октябрьского района г. Москвы по ч. 1 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. Определение от 26 мая 1945 г.

Трушин признан виновным в уклонении от направления на работу по назначению после окончания высшего технического учебного заведения.

Как указано в приговоре, Трушин в феврале 1944 г. окончил Московский станко-инструментальный институт им. Сталина, после чего получил назначение от Наркомата станкостроения СССР по путевке № 132 на завод станкостроения в г. Алапаевске для работы по специальности. Подсудимый же от поездки отказался и в ноябре 1944 г. устроился на работу в г. Москве по своему усмотрению без каких-либо уважительных причин.

Поступление Трушина на работу «по своему усмотрению» (речь идет о его работе в Центральном институте организации труда Наркомата боеприпасов в должности инженера-конструктора) неправильно приведено в приговоре как обстоятельство, подтверждающее его уклонение от работы, на которую он был направлен Наркоматом станкостроения после окончания вуза, так как из самого приговора видно, что оно предшествовало окончанию им учебного заведения и получению назначения на работу.

Так как Трушин не вправе был бы самовольно уйти с этой работы, на которую он поступил, будучи еще студентом, то он мог бы быть признан виновным в уклонении от предложенной ему Наркоматом станкостроения работы в том случае, если бы он отказался от принятия путевки наркомата для предъявления ее по месту его работы с целью его освобождения от нее. Между тем Трушин утверждает, что когда он в комиссии по распределению окончивших институт отказался от предложенной ему работы со ссылкой на то, что он уже состоит на работе, а также по другим мотивам, то комиссия приняла его заявление к сведению и не настаивала на посылке его в Алапаевск. Он утверждает также, что путевка Наркомата станкостроения, которая приобщена к данному делу, ему не вручалась.

Эти показания Трушина не были проверены. Надо отметить, что в деле нет указаний на то, что дирекция Станко-инструментального института и Наркомат станкостроения поставили перед Наркоматом боеприпасов вопрос об увольнении Трушина с работы и направлении его в распоряжение Наркомата станкостроения, хотя по утверждению Трушина институту было известно о его работе в Наркомате боеприпасов.

Находя ввиду изложенного приговор необоснованным и поэтому подлежащим отмене и учитывая вместе с тем, что, как видно из жалобы Трушина, он из-под стражи освобожден и направлен для работы на авиационный завод, сле-

дует признать, что направление дела на новое рассмотрение является нецелесообразным, поэтому Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда и определение городского суда отменить и дело по обвинению Трушина в уголовном порядке производством прекратить.

15. Самовольный уход из ремесленного или железнодорожного училища лица, незаконно принятого ввиду недостижения минимального возраста, установленного законом, не влечет уголовной ответственности, если в последующем прием не был законно оформлен по достижении низшего возрастного предела

Дело Козлова. Осужден народным судом 1-го уч. г. Кимры по Указу от 28 декабря 1940 г. Калининский областной суд дело прекратил. Верховный суд РСФСР определение областного суда отменил и дело передал на новое рассмотрение областного суда. Определение от 4 апреля 1945 г.

Козлов признан виновным в том, что он, будучи учащимся ремесленного училища № 10 г. Кимры, с 29 января по 19 июня 1944 г. без уважительных причин допустил прогул, а с 7 октября 1944 г. самовольно ушел из училища.

Определение Верховного суда РСФСР подлежит отмене по следующим основаниям:

Калининский областной суд правильно отменил приговор и прекратил дело производством в отношении Козлова за отсутствием в его действиях состава уголовного преступления.

Козлов был принят в ремесленное училище в возрасте 13 лет, т. е. ниже нижнего предела, установленного Указом Президиума Верховного Совета СССР и постановлениями Правительства о государственных трудовых резервах. Возрастные пределы для приема учащихся в училища и школы трудовых резервов являются обязательными и поэтому прием учащегося с нарушением этих возрастных пределов не имеет законной силы и, следовательно, не влечет установленных законов последствий, в частности, признания учащегося мобилизованным. Это относится одинаково как к набору по призыву (мобилизации), так и к открытому (добровольному) набору, так как принцип набора в том и другом случаях единый, и принятые по открытому набору считаются мобилизованными наравне с призванными (приказ Главного управления государственных трудовых резервов от 4 октября 1940 г. и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1940 г. о ходе выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах»).

Мотивы, изложенные в определении Верховного суда РСФСР при отмене определения Калининского областного суда о том, что осужденный совершил преступление в октябре 1944 г., когда ему было 14 лет и 5 месяцев от роду, являются неправильными, так как достижение учащимся, незаконно принятым в училище или школу, установленного законом возраста во время пребывания его в училище, не устраняет само по себе последствий незаконного приема его. Для этого необходимо постановление соответствующего органа управления трудовых резервов, подтверждающего прием его по достижении им установленного возраста.

Таким образом, следует признать, что, поскольку Козлов был принят в ремесленное училище незаконно ввиду недостижения им установленного возраста 14 лет и прием его не был подтвержден органом управления трудовых резервов по достижении им установленного возраста, он не может считаться мобилизованным и, следовательно, самостоятельный уход его из училища не влечет предусмотренной Указом от 28 декабря 1940 г. уголовной ответственности. По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Козлова отменить, а определение Калининского областного суда оставить в силе.

16. Неисполнение договора с государственным или общественным учреждением или предприятием не может быть признано злонамеренным, если оно было вызвано неисполнением контрагентом взятых на себя обязательств, и поэтому не влечет уголовной ответственности, которая обусловлена злонамеренностью исполнения

Дело Леонтьева. Осужден народным судом Козельского района Калужской области по ст. 131 УК РСФСР. Определение от 12 мая 1945 г.

Леонтьев признан виновным в уклонении от выполнения принятых на себя обязательств по договору, заключенному с конторой «Заготживсырье».

Из материалов дела видно, что Леонтьев заключил договор с конторой «Заготживсырье». По договору, по которому ему было предоставлено право на охоту, он обязался сдавать конторе пушнину, с условием отоваривания сланной пушнины протомарами.

Между тем, Леонтьев от убитых им во время охоты пятнадцати зайцев и девяти лисиц пушнину Заготконторе не сдал, а продал на рынке.

Леонтьев, не признав себя виновным, показал, что он не сдал пушнину конторе «Заготживсырье» вследствие того, что контора, нарушив договор, сдаваемую пушнину не отоваривала.

Показания Леонтьева подтвердил на суде свидетель Жилин. При таких данных для вынесения Леонтьеву обвинительного приговора у народного суда не было оснований.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда и определение Калужского областного суда отменить и дело Леонтьева производством прекратить.

17. Оскорбление должностного лица при исполнении им служебных обязанностей может квалифицироваться по ст. 99 УК Узбекской ССР (ст. 76 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик) только в том случае, если оскорбленный являлся представителем власти

Дело Стойкова. Осужден народным судом 1-го уч. Нуратинского района по ст. 99 УК Узбекской ССР. Определение от 26 мая 1945 г.

Стойков осужден за то, что он во время заседания нанес руководящему работнику совхоза Джураеву оскорбление, выражаясь нецензурными словами.

Приговор народного суда и определение Самаркандского областного суда подлежат изменению по следующим мотивам: суд неправильно квалифицировал действия Стойкова по ст. 99 УК Узбекской ССР, так как оскорбление представителя власти при исполнении служебных обязанностей в его действиях отсутствует.

Вина Стойкова заключается в том, что он во время заседания нанес оскорбление Джураеву, который, однако, не являлся представителем власти. Поэтому действия Стойкова суду надлежало квалифицировать по ст. 218 УК Узбекской ССР (оскорбление личности).

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда и определение Самаркандского областного суда в отношении Стойкова изменить, переqualифицировать его действия со ст. 99 на ст. 218 ч. 2 УК Узбекской ССР и определить ему наказание в три месяца исправительно-трудовых работ по месту работы, с зачетом отбытого срока наказания.

18. Лицо, от которого забеременела женщина, отвечает за незаконное производство ею аборта только в том случае, если оно ее к этому понудило

Дело А. Осужден народным судом Ордубадского района по ч. 3 ст. 177 УК Азербайджанской ССР. Определение от 23 мая 1945 г.

Суд признал виновным А. в том, что он в 1944 г. вступил в интимную связь с колхозницей Ш., которая от А. забеременела, сделала себе аборт и умерла.

Приговор суда является необоснованным. По делу не установлено, что Ш. сделала аборт по требованию или понуждению А. В тех действиях А., в которых признал его виновным суд, нет состава уголовного преступления.

Поэтому Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда Ордубадского района в отношении А. отменить и дело в условном порядке производством прекратить.

19. Для состава двоеженства необходимо наличие совместного проживания мужа с обеими женами на базе общего хозяйства, сопровождаемого осуществлением с обеими брачных отношений

Дело Манасяна. Осужден народным судом Алагезского района по ст. 192 УК Армянской ССР. Определение от 12 мая 1945 г.

Манасян признан виновным в двоеженстве. Осужденный виновным себя не признал. Приговор является неправильным и подлежит отмене по следующим основаниям.

Из дела видно, что между осужденным и Манасян Арекназан в 1943 г. был расторгнут брак. После этого их имущество, в том числе и дом, было разделено в судебном порядке, причем одна из комнат была закреплена за Манасян Арекназан.

В 1944 г. Манасян вступил в брак с гр-кой Аннесян.

После этого Манасян Арекназан, которая в это время проживала в доме родителей, вновь вернулась в дом осужденного и поселилась в своей комнате.

Манасян Арекназан утверждала, что она с осужденным после вступления его в брак с Аннесян не состояла в связи и что переехала она к нему в дом не с целью с ним жить, а с целью ухода за детьми, которые находились при нем.

На суде никто не уличал осужденного в двоеженстве.

При таких данных предъявленное ему обвинение нельзя признать доказанным.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР определила:

Приговор народного суда Алагезского района и определение Верховного суда Армянской ССР в отношении Манасян отменить и дело за недоказанностью предъявленного ему обвинения производством прекратить.

20. Уголовный закон, предусматривающий ответственность исключительно за умышленные действия, не может быть применен к тем же действиям, совершенным по вине неосторожной

Дело Хе-Син-Бон. Осужден народным судом Папского района Наманганской области по ст. 166³ УК Узбекской ССР. Определение от 26 мая 1945 г.

Хе-Син-Бон осужден за то, что, работая начальником отделения № 3 совхоза «Гульбах», преступно-халатно относился к своим служебным обязанностям: привел в негодность хлопок-сырец в количестве 1131 кг, а чтобы скрыть следы преступления, Хе-Син-Бон предложил зарыть хлопок в землю. Приговор народного суда и определение Наманганского областного суда под-

жат изменению по следующим основаниям: суд неправильно квалифицировал действия Хе-Син-Бон по ст. 166^а УК Узбекской ССР, так как эта статья предусматривает умышленное уничтожение или повреждение хлопковых площадей и посевов, а также преждевременный сбор незрелого хлопка. Таким образом, в действиях осужденного отсутствуют признаки этой статьи. Вина Хе-Син-Бон заключается в том, что хлопок пришел в негодность в результате его преступно-халатного отношения к своим служебным обязанностям вследствие несвоевременного его просушивания. Суду эти действия осужденного надлежало квалифицировать по ст. 143 УК Узбекской ССР. На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда и определение Наманганского областного суда в отношении Хе-Син-Бон изменить и переквалифицировать его действия со ст. 166^а УК на ст. 143, определив ему наказание в три года лишения свободы с зачетом отбытого срока.

21. Должностное лицо не может отвечать за последствия, наступившие вследствие обстоятельств, устранение которых от него не зависело и входило в обязанности других должностных лиц

Дело Абасова. Осужден народным судом 1-го уч. Шемахинского района по ч. 2 ст. 146 УК Азербайджанской ССР (халатность). Определение от 12 мая 1945 г.

Абасов осужден за то, что, работая старшим проводником райзаготконторы Заготскота, принял для доставки Бакинскому мясокомбинату 2 300 голов мелкого скота и 95 голов крупного рогатого скота. При сдаче скота 3 головы крупного скота и 45 голов мелкого скота оказались в недостаче. Кроме того, Абасову поставлена в вину потеря живого веса по крупному скоту 839 кг и по мелкому 10 332 кг.

Обвинительный приговор нельзя признать правильным по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что Абасов, приняв в Шемахинском районе большое количество мелкого и крупного скота, гоним доставил его в г. Баку. В пути следования достаточным количеством кормов вследствие нераспорядительности администрации Заготскота Абасов снабжен не был, а также не располагал средствами для подкормки гуртов. По прибытии же в г. Баку скот в течение 10 дней от него не принимали, причем в окрестностях Баку в летнее время пригодных пастбищ не было. По этим причинам, естественно, была высокая убыль скота в весе и случаи падежа скота, о чем имеются в деле акты. Некоторые из этих актов хотя и не приняты по мотивам их неформальности, однако, сомнений в том, что скот пал по причинам, от Абасова независящим, не возникает. Данные о злоупотреблениях и присвоении скота Абасовым в деле нет.

Считая, что Абасов осужден без достаточных оснований, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда 1-го уч. Шемахинского района и определение Верховного суда Азербайджанской ССР отменить и дело по обвинению Абасова производством прекратить.

22. Обвиняемый не может отвечать за служебные действия, совершенные вследствие законного распоряжения вышестоящего должностного лица, которому обвиняемый подчинен по службе. Одно лицо не может совмещать в себе следователя, свидетеля и эксперта по одному и тому же делу

Дело Мартыненко и Дорохова. Осуждены народным судом 2-го уч. г. Нахичевани по ст. ст. 151 и 155 УК Азербайджанской ССР (должностная растрата и служебный подлог). Определение от 5 мая 1945 г.

Мартыненко признан виновным в том, что, работая техником Нахичеванского линейно-технического узла связи, присвоил из полученных под отчет сумм

3 322 руб. 58 к. и на эту сумму представил к авансовому отчету фиктивные документы, которые не были приняты.

Дорохов признан виновным в том, что, работая начальником того же узла связи, допустил аварию машины, причинив ущерб в 2500 руб., составил фиктивную ведомость на оплату ремонта автомашины и таким образом присвоил 2500 руб. и не отчитался в сумме 2733 р. 66 к. по своему авансовому отчету.

Приговор народного суда и определение Верховного суда Нахичеванской АССР подлежат отмене в отношении обоих осужденных, с прекращением о них дела производством по следующим основаниям:

Сумма 3322 р. 58 к. израсходована техником Мартыненко на оплату работ по установке столбов командой красноармейцев Н-ского полка и на оплату питания этой команды. Соглашение с этой командой было заключено бывшим начальником линейно-технического узла связи Ивановым, по распоряжению которого расходы были оплачены техником Мартыненко из его авансовых сумм, расходные документы приложены к отчету и утверждены Ивановым. Подлинность расходов подтверждена актом, подписанным командиром взвода мл. лейтенантом Александровым, заместителем политрука Бабиашвили и красноармейцем Шиловым.

Таким образом, утверждение суда, что деньги присвоены Мартыненко и что документы являются фиктивными, не соответствует обстоятельствам дела. Производивший несколько месяцев спустя ведомственную ревизию линейного узла ревизор Шульга мог усомниться в законности произведенного расхода. В том случае, если бы было признано, что расход не законен, неправильно выплаченные суммы подлежали взысканию с начальника узла Иванова, а никак не с Мартыненко, который в данном случае, как технический работник, выполнял прямые указания Иванова, который и утвердил произведенные расходы. Но и в том случае, если бы за этот расход в той или иной степени должен был отвечать Мартыненко, неправильно израсходованные суммы по авансовому отчету могли быть взысканы в порядке предъявления гражданского иска. Обвинение же Мартыненко в подлоге и присвоении ничем не обосновано.

Также не обосновано и обвинение Дорохова. За неправильную эксплуатацию автомашины он мог нести ответственность в дисциплинарном порядке. Расход же за произведенный ремонт по договору с механиком Рачковским и шофером Туча сомнений не вызывает. По делу неясно, в каком размере оплатил Рачковский труд Тучи, поскольку последний отрицает свою подпись на платежной ведомости, однако, вывод суда о том, что Дорохов не производил ремонта и что договор и прочие документы являются фиктивными, находится в противоречии с материалами дела.

Нельзя также считать установленным, что подпись за Тучу učinена Дороховым. По всем данным за него расписался Рачковский до учинения с ним расчета. Во всяком случае, если возникали сомнения в законности произведенного расхода по авансовому отчету Дорохова в сумме 2500 руб. за ремонт автомашины, а также если Дорохов действительно не оправдал документами другие расходы по своему авансовому отчету, эти суммы могли быть взысканы с него в порядке предъявления к нему гражданского иска. Следует признать совершенно ненормальным и незаконным, что производивший ведомственную ревизию линейно-технического узла ревизор Шульга, заинтересованный в подтверждении выводов своей ревизии, в дальнейшем при попустительстве прокуроров совмещал в своем лице обязанности дознавателя, эксперта, свидетеля.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го уч. г. Нахичевани и определение Верховного суда Нахичеванской АССР по делу Мартыненко и Дорохова отменить и дело о них производством прекратить.

23. Те или иные последствия не могут быть инкриминированы обвиняемому только по тем основаниям, что они наступили в сфере его служебной деятельности, если сам суд признает, что они имели место по разным неопределенным причинам

Дело Алимамедова и Самедова. Осуждены народным судом 4-го уч. Кубинского района по ч. 2 ст. 146 УК Азербайджанской ССР (халатность). Определение от 5 мая 1945 г.

Алимамедов и Самедов признаны виновными в том, что, работая в колхозе им 7-го съезда Советов, Алимамедов в качестве председателя правления колхоза, а Самедов заведующим фермой, преступно-халатно относились к содержанию скотоголовья, в результате чего по их вине в 1942 и 1943 гг. пали 23 лошади, три теленка, два барана и три козы, и, таким образом, колхозу был причинен значительный убыток.

Приговор народного суда и определение Верховного суда Азербайджанской ССР подлежат отмене в отношении обоих осужденных по следующим основаниям: в отношении образовавшейся в колхозе недостачи скота, Алимамедов на суде показал, что 20 лошадей, полученных им от кочевников, пали не по его вине, о чем был составлен акт ветврачом, переданный затем бухгалтеру колхоза. Народный суд показания Алимамедова не проверил, бухгалтера колхоза не допросил и, таким образом, причину падежа 20 лошадей не выяснил.

В отношении же остальных трех лошадей, а также трех телят, коз и баранов Алимамедов утверждает, что они остались за колхозниками, призванными в Красную Армию, и что стоимость скота он с семьей красноармейцев выискать не мог. Это показание Алимамедова также не проверено. Бухгалтер райзо Акперов в отношении недостачи скота показаний не давал, другие же свидетели на суде допрошены не были. В связи с этим вопрос о том, действительно ли скот пал, или он находится у колхозников, судом не выяснен.

Указание в приговоре на то, что скот в колхозе пал «по разным неопределенным причинам», лишь подтверждает неполноту проведенного судебного следствия и неосновательное взыскание убытков с осужденных по гражданскому иску. Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда и определение Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Алимамедова и Самедова отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд, но в другом составе, со стадии судебного следствия.

24. Состояние крайней необходимости исключает виновность

Дело Дунайкиной. Осуждена народным судом 1-го уч. Пролетарского района г. Москвы по Указу от 13 февраля 1942 г. Определение от 12 мая 1945 г.

Дунайкина признана виновной в том, что она, получив извещение о явке ее на работу в Ремстройконтору, по мобилизации Пролетарским райисполкомом, от работы уклонилась, чем нарушила Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 13 февраля 1942 г.

Дунайкина, не признав себя виновной, показала, что она уклонилась от мобилизации в связи с тем, что ей не с кем было оставить дочь семи лет, большую туберкулезом легких и требующую постоянного ухода.

Верховный суд РСФСР, по протесту Председателя Верховного суда РСФСР, приговор народного суда и определение Московского городского суда отменил с передачей дела на новое рассмотрение, со стадии судебного следствия по мотивам, что показания Дунайкиной, ссылавшейся на болезненное состояние своей дочери, народным судом проверены не были.

Мотивы Верховного суда РСФСР нельзя признать правильными по следующим основаниям: из приложенных к делу документов видно, что Дунайкина, не

имея жилой площади, вместе с больной дочерью находилась в тяжелых бытовых условиях. Ссылка Дунайкиной на болезнь дочери и на необходимость постоянного за ней ухода сомнений не вызывает, так как подтверждена справкой врача, на которую указано и в приговоре. Поэтому проверка ничем не опроверженных имеющихся в деле документов необходимостью не вызывается.

Дунайкина в настоящее время работает в детской консультации, и это дает ей возможность осуществлять постоянное наблюдение за своей дочерью.

Считая обвинительный приговор в отношении Дунайкиной неправильным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда, определение Московского городского суда и определение Верховного суда РСФСР отменить и дело Дунайкиной производством прекратить.

25. Соучастие предполагает осведомленность соучастника о преступном характере действий или намерений исполнителя преступления

Дело Сенина-Волжского. Осужден Ташкентским областным судом по закону от 7 августа 1932 г. Определение от 5 мая 1945 г.

Сенин-Волжский признан виновным в том, что он содействовал Железнову и Исмаилову в продаже похищенных ими шести бочек вина портвейна трем организациям — артели «Гулистан», орсу хлопкового завода № 1 и орсу экспериментального завода за наличный расчет.

В материалах дела нет достаточных доказательств, подтверждающих обвинение Сенина-Волжского в том, что он, содействуя Железнову в подыскании оптовых покупателей вина, знал, что вино является похищенным. Ни в обвинительном заключении, ни в приговоре суда об этом ничего не сказано. Сущность обвинения Сенина-Волжского состоит в том, что он по просьбе осужденного Железнова подыскал оптовых покупателей вина, за что якобы получил от него вознаграждение в сумме 2400 руб.

Это обвинение основано на показаниях одного Железнова, не подтвержденных материалами дела. На суде Железнов показал, что 2400 руб. он уплатил Сенину-Волжскому в присутствии осужденного Сатаева. Однако Сатаев на суде это показание Железнова не подтвердил и заявил, что в его присутствии Железнов никаких денег Сенину-Волжскому не платил. Других данных по этому вопросу в деле нет. При наличии таких данных получение Сениным-Волжским 2400 руб. от Железнова нельзя признать установленным.

Из дела видно, что Сенин-Волжский при случайных обстоятельствах узнал, что Железнов в связи с аварией автомашины продает шесть бочек вина по фактурной стоимости, сообщил об этом своим знакомым — работникам указанных выше трех организаций, которые сами договаривались с Железновым об условиях покупки вина, о перевозке его, об уплате наличными деньгами, знакомилась с фактурами и другими документами, предъявленными Железновым. По заявлению Сенина-Волжского он не сомневался в том, что Железнов является представителем винного завода и продает вино на законных основаниях, а когда у него после ознакомления с фактурой на вино возникло подозрение, он устно и письменно сообщил об этом во 2-е отделение милиции оперуполномоченному Фоменко и просил его проверить личность Железнова.

При наличии таких данных обвинение Сенина-Волжского нельзя признать доказанным. Поэтому Судебная коллегия определила:

Приговор Ташкентского областного суда и определение Верховного суда Узбекской ССР в отношении Сенина-Волжского отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

26. Обвинение в соучастии не может быть основано только на факте недоносительства, которое, в свою очередь, карается в уголовном порядке только в отношении преступлений, прямо указанных в законе

Дело Маковицкого и Котова. Осуждены народным судом Тюлькубасского района Казахской ССР по ч. 2 ст. 166 УК РСФСР. Определение от 26 мая 1945 г.

Маковицкий и Котов признаны виновными в том, что они вместе с неразысканным Николаевым 24 марта 1944 г. участвовали в краже коровы со двора гр-ки Светловой. Маковицкий и Котов виновными себя не признали и утверждали, что в день кражи они все время находились дома. Осужденные в подтверждение своего заявления просили допросить свидетелей.

Однако суд это ходатайство даже не обсудил. Больше того, суд рассмотрел дело без вызова свидетелей, которые были допрошены на предварительном следствии, и в нарушение ст. 319 УПК РСФСР обосновал приговор на данных, не рассмотренных в судебном заседании.

Суд, отвергая показания Маковицкого и Котова, признал, что вина их доказана тем, что они знали об обстоятельствах совершенной Николаевым кражи. Однако это недоносительство о совершении Николаевым преступления, предусмотренного ст. 166 ч. 2 УК РСФСР, с одной стороны, не содержит в себе состава преступления, а с другой стороны, не может рассматриваться, как доказательство вины Маковицкого и Котова в соучастии в краже.

При таких данных, находя дело не исследованным с достаточной полнотой, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР определила:

Приговор народного суда Тюлькубасского района и определение Южно-Казахстанского областного суда в отношении Маковицкого и Котова отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в другом составе судей.

27. Конфискация имущества, предусмотренная в виде дополнительного наказания по ст. 193¹⁰-а УК РСФСР, относится не только к осужденным лицам начсостава, но и к другим категориям осужденных

Дело Туймеханова. Определение от 26 мая 1945 г.

Туймеханов был осужден Южно-Казахстанским областным судом по ст. 93¹⁰ УК РСФСР к лишению свободы с конфискацией имущества.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР, признав обвинение Туймеханова по ст. 193¹⁰ УК РСФСР доказанным, из приговора областного суда конфискацию имущества исключила по тем мотивам, что «применение конфискации к осужденному является неправильным, так как по тексту ст. 193¹⁰ УК РСФСР в отношении рядового состава конфискация не предусмотрена».

Подобное толкование ст. 193¹⁰ УК РСФСР является неправильным, поэтому определение коллегии в этой части подлежит изменению. Статья 193¹⁰ УК РСФСР предусматривает для начальствующего состава повышенную ответственность—лишение свободы не ниже двух лет, тогда как для рядового состава применяется лишение свободы от одного года. Конфискация же имущества может применяться как в отношении начальствующего, так и рядового состава.

Вместе с тем и приговор областного суда подлежит изменению, так как применение к осужденному Туймеханову конфискации имущества по обстоятельствам дела не вызывалось необходимостью.

В силу изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Южно-Казахстанского областного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР изменить —

конфискацию имущества у осужденного Туймеханова из приговора исключить за нецелесообразностью ее применения.

28. Исключая некоторые пункты обвинения, инкриминированные подсудимому по приговору, вышестоящий суд должен поставить на свое обсуждение вопрос о снижении наказания

Дело Бекенова. Осужден народным судом Джамбейтинского района Казахской ССР по ч. 2 ст. 116 и ст. 109 УК РСФСР по совокупности к семи годам лишения свободы. Западно-Казахстанский областной суд исключил обвинение по ч. 2 ст. 116, оставив без изменения наказание по приговору. Определение от 19 мая 1945 г.

[Извлечение]

Бекенов работал председателем правления колхоза и признан виновным в том, что осенью 1943 г. при выполнении плана хлебосдачи на 62% дал указание о выдаче колхозникам в счет трудовой хлеба свыше 15%, в пределах которых колхоз должен был выдать аванс до выполнения колхозом плана хлебосдачи. Колхозникам же было выдано 24% продуктов по трудодням; получив для себя 33 кг масла, кроме того, Бекенов не внес в кассу колхоза 11 864 руб., которые он должен был внести за полученные им продукты и в погашение других видов своей задолженности колхозу.

Областной суд правильно исключил из приговора суда обвинение Бекенова по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР, однако, он должен был сделать логический вывод и с изменением характера вины снизить и меру наказания.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

Снизить Бекенову наказание до одного года шести месяцев лишения свободы без поражения в правах с зачетом отбытого им срока.

29. Признание обвиняемого, как и иное любое доказательство, подлежит проверке и оценке в свете всех обстоятельств дела в их совокупности

Дело Кузьминой. Осуждена народным судом 3-го уч. г. Орехово-Зуево по п. «а» ст. 162 УК РСФСР. Определение от 7 апреля 1945 г.

Кузьмина признана виновной в том, что она в августе 1944 г., приехав в село Сельцы Рязанской области для свидания с мужем военнослужащим, совершила кражу 76 м мануфактуры в квартире Чистюлина, у которого она проживала вместе с мужем во время пребывания ее в Сельцах.

Приговор народного суда подлежит отмене по следующим основаниям: обвинение Кузьминой в краже мануфактуры основано на признании обвиняемой. Признание обвиняемого является одним из видов доказательств, но никакого изъятия из общих правил дознания, проверки и оценки доказательств закон для признания не делает. Признание может лечь в основу приговора только в соответствии со всеми обстоятельствами дела в их совокупности. Эти основные положения оценки признания как доказательства суд нарушил в данном деле и вынес приговор на основе признания обвиняемой, несмотря на то, что оно как по своему содержанию, так и по отношению к обстоятельствам дела не могло рассматриваться как бесспорное доказательство виновности осужденной. Уже в самом приговоре суд отметил один недостаток этого признания. Как указано в приговоре, подсудимая не могла объяснить, почему она совершила кражу мануфактуры. Этого объяснения нельзя найти и в показаниях свидетелей, характеризующих ее, а также в отзывах о ней с места ее работы. Но этим не ограничиваются недостатки этого признания. Суд не обратил внимания на противо-

речивость ее показаний по поводу совершенной кражи. Во время расследования дела Кузьмина показала, что похищенную в квартире Чистюлина мануфактуру она положила в свою сумку и увезла с собой в автомашине, на которой она возвращалась в Орехово-Зуево. Прибыв в Орехово-Зуево, она по дороге домой продала похищенную мануфактуру за 2000 руб., хотя она считала, что эта мануфактура стоит около 6000 руб. Продажу мануфактуры она объяснила тем, что не могла отнести ее домой, так как боялась родителей.

В судебном же заседании она показала, что она продала похищенную мануфактуру в г. Павлово-Посаде. У обвиняемой, признавшей совершение данной кражи и обязавшейся еще до суда возместить потерпевшему всю указанную им стоимость похищенного, не могло быть оснований скрывать от суда, как она использовала похищенное. Поэтому указанное противоречие в ее показаниях и явная несостоятельность ее первоначальных показаний о продаже вещей из-за боязни перед родителями, побудившая ее, очевидно, изменить эти показания, могут лишь свидетельствовать о надуманности всех ее объяснений.

Наконец, суд не обратил внимания на обстоятельство, предшествовавшее возникновению настоящего уголовного дела. К делу приобщен договор, заключенный осужденной с потерпевшим Чистюлиным 6 сентября 1944 г. Согласно этому договору, составленному при участии председателя сельсовета, Кузьмина обязалась уплатить Чистюлину 9000 руб. за вещи, пропавшие из его квартиры за четыре дня с 20 по 23 августа 1944 г., в течение которых ввиду отсутствия его на сенокосе квартира оставалась на ее присмотре. В договоре отмечено, что хищение вещей обнаружено после отъезда Кузьминой и 25 августа 1944 г. было заявлено о подозрении, падающем на Кузьмину. Кроме обязательства уплатить указанную сумму денег, Кузьмина обязалась также содействовать розыску пропавших вещей среди ее знакомых, которые посещали ее во время проживания на квартире Чистюлина. В своих письменных объяснениях, данных военному прокурору, муж осужденной сообщает, что когда его жена 25 августа 1944 г. уезжала в Орехово-Зуево на автомашине, то она увезла с собой только личные вещи — портфель, зонтик и сетку, в которой находилось его летнее обмундирование, что до 2 сентября 1944 г. Чистюлин ему никаких заявлений о пропаже вещей не делал, что когда он 2 сентября заявил ему об этом и высказал подозрение на его жену, то он вызвал ее из Орехово-Зуева. Жена его, прибыв в село, остановилась у Чистюлина и на другой день сообщила мужу, что под влиянием угроз Чистюлиных она подписала вышеуказанный договор.

Необходимо отметить, что если договор, заключенный между Кузьминой и Чистюлиным, мог быть признан действительным с точки зрения материальной ответственности Кузьминой, так как эта ответственность вытекает из обязанности ее охранять квартиру, оставленную на ее попечение, то включение в этот договор указаний на подозрение ее в краже вещей не могло служить достаточным основанием для возбуждения против нее уголовного преследования — при отсутствии данных, оправдывающих эти подозрения. Обстоятельства же дела, вызвавшие заключение этого договора и связанные с ним, были расследованы. По делу не были допрошены те лица, в сопровождении которых Кузьмина уезжала из Сельцов 25 августа 1944 г. Не допрошен председатель сельсовета, которому Чистюлин заявлял о пропаже вещей и который участвовал в составлении договора Кузьминой с Чистюлиным, не допрошен судом даже сам потерпевший. Эта неполнота расследования и судебного рассмотрения дела должна быть отнесена и за счет того нарушения правил о подсудности, которое допущено по данному делу: в нарушение ст. ст. 29 и 123 УПК РСФСР настоящее дело было расследовано и рассмотрено судом не по месту совершения преступления, а по месту жительства обвиняемой. Считаю, что признание обвиняемой Кузьминой ввиду указанных недостатков его не может служить доказательством ее виновности в совершении кражи вещей у Чистюлина, никаких доказательств ее виновности в деле нет, что в деле отсутствуют достаточные данные для обвинения в краже вещей у Чистюлина определенных лиц. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР определила:

Приговор народного суда 3-го уч. г. Орехово-Зуево отменить и дело по обвинению Кузьминой производством прекратить за недоказанностью обвинения.

30. Обвинение не может считаться доказанным, если оно основано исключительно на оговоре другого обвиняемого, заинтересованного в исходе дела, и не подкреплено другими вескими данными

Дело Рамазанова. Осужден народным судом 2-го уч. Кусарского района по ст. 143 УК Азербайджанской ССР (злоупотребление служебным положением). Определение от 12 мая 1945 г.

• Рамазанов признан виновным в том, что он, работая в Райторготделе контролером, отоваренные хлебные талоны, которые к нему поступали для уничтожения, не уничтожил своевременно, чем воспользовался Насрулаев и похитил из отдела талонов на 130 кг хлеба.

Кроме того, Рамазанов признан виновным в продаже Насрулаеву за 600 руб. отоваренных талонов на 13 кг хлеба.

Приговор подлежит изменению по следующим основаниям.

Обвинение Рамазанова в продаже Насрулаеву хлебных талонов основано на показаниях только Насрулаева, однако показания последнего не могут быть признаны достаточными для признания этого обвинения доказанным, так как не исключено, что Насрулаев с целью переложения части своей вины на других оговаривает Рамазанова.

Виновность Рамазанова в несвоевременном уничтожении отоваренных талонов доказана. Талоны до момента кражи уничтожались путем сожжения. Сжигаться они должны были в течение 30 минут с момента поступления к Рамазанову. До кражи Рамазанов сжигал их своевременно. Осужденный допустил халатность, оставив на ночь талоны в столе.

При таких данных преступление его должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 146 УК Азербайджанской ССР.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го уч. Кусарского района и определение Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Рамазанова изменить, преступление его переквалифицировать на ст. 146 ч. 1 УК Азербайджанской ССР, определить ему наказание в один год исправительно-трудовых работ по месту работы, с удержанием из зарплаты 20%, с зачетом отбытого срока, из расчета 1 день лишения свободы за 3 дня исправительно-трудовых работ и из-под стражи его освободить.

31. Суд обязан особо критически подходить к показаниям свидетелей, находящихся в неприязненных отношениях с подсудимым

Дело Дукмасовой. Осуждена народным судом 1-го уч. г. Новочеркасска по ст. 109 УК РСФСР. Определение от 12 мая 1945 г.

Дукмасова признана виновной в том, что она, работая в 1944 г. заведующей магазином № 4 Военторга и злоупотребляя своим служебным положением, незаконно отоваривала продуктовые карточки лицам, не прикрепленным к магазину: своей домашней работнице, уборщице Ерофеевой и работнику учетно-карточного бюро Абрамовой.

Кроме того, ей инкриминируется, что она использовала талоны продуктовых карточек, неизвестно каким путем приобретенные, отчитываясь такими талонами перед контрольно-учетным бюро, допустила излишки товаров: сахару 1,8 кг, жиров 1,4 кг и мяса 1,4 кг.

Приговор народного суда и определение Ростовского областного суда подлежат отмене, а дело прекращению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что основными свидетелями обвинения по делу выступали Коломеец, подавшая на Дукмасову заявление о ее злоупотреблениях, и свидетели Мелеховы, с которыми Дукмасова находится в неприязненных отношениях на почве жилищных споров. Остальные свидетели, допрошенные по делу Дукмасовой, как то: Урвачев, Чекунов, Зотова, утверждали, что некоторые прикрепленные к магазину командиры воинской части и другие лица из этого контингента свои карточки сдавали Дукмасовой, которая по мере поступления со стороны управления Военторга поощрялась. Дукмасова утверждала, что изъятие у нее при обыске талоны и карточки принадлежали этому контингенту. Обвинение Дукмасовой в незаконном прикреплении к магазину карточек своей домашней работницы и уборщицы магазина является необоснованным, допрошенный по делу свидетель — начальник торговдела Урвачев — подтвердил, что осужденная не могла это сделать. Образовавшиеся у Дукмасовой по магазину незначительные излишки товаров она объяснила возможной разницей в весе тары и другими причинами. Никакого злоупотребления со стороны осужденной по делу не установлено. При наличии этих данных осуждение Дукмасовой по ст. 109 УК РСФСР является неправильным.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го уч. г. Новочеркасска и определение Ростовского областного суда отменить и дело в отношении Дукмасовой производством прекратить.

32. Обвинение не может считаться доказанным, если факты, привлеченные в качестве улик в обоснование обвинения, имели или могли иметь место по обстоятельствам, опровергающим или неподтверждающим версию обвинения

Дело Месропяна. Осужден народным судом 2-го уч. Красносельского района по ст. 135 и ч. 2 ст. 142 УК Армянской ССР (злоупотребление служебным положением и растрата). Определение от 30 мая 1945 г.

Месропян работал начальником Чайкендского почтового отделения Красносельского района. В ночь с 9 на 10 декабря путем взлома запора наружных дверей и взлома железной кассы из Чайкендского почтового отделения было похищено 17 083 р. 90 к. Суд признал, что деньги присвоены Месропяном, а взлом запора и кассы произведены им в целях симуляции кражи. Это обвинение Месропяна суд обосновал следующими уликами:

Месропян имел право хранить у себя в кассе не более 100 руб. Суммы свыше 100 руб. он обязан был сдавать на почту районного центра, находящегося на расстоянии 25 км. Между тем, Месропян с 1 по 10 декабря хранил в кассе свыше 17 тыс. руб.

Рядом с почтовой конторой находится склад сельпо, охраняемый сторожем Ханбаба Демидовым. Следовательно посторонние лица проникнуть в контору не могли; 9 декабря в 7 час. вечера Месропян отправил письмоносца Алихан к себе домой посидеть около больной матери. Алихан вернулся на почту в 9 час. вечера. Суд признал, что именно в эти часы Месропян похитил деньги и в целях симуляции сломал кассу и сорвал запоры.

Месропян в ту же ночь дважды подходил к почте: в 12 часов и в половине третьего ночи. Его видел сторож Ханбаба Демидов; свидетель Иса Рустам-оглы видел, как на рассвете Месропян шел со стороны почты; имея у себя в кассе больше 17 тыс. рублей, Месропян нескольким лицам отказал в выдаче страховой премии; когда Месропяна спросили, кто мог похитить деньги, он ответил: «или я или Алихан».

Из материалов дела видно, что Чайкендское почтовое отделение не имело ни перевозочных средств, ни людей для перевозки почты в райцентр, нахсдившийся в 25 км. Почта обычно перевозилась оказиями, но для перевозки крупных денежных сумм нужно было найти подходящих людей. Месропян несколько раз звонил по телефону начальнику районной почтовой конторы Абрамяну и просил его прислать кассира, но кассир не приезжал, а подходящего случая для передачи денег с верными людьми тоже не нашлось. Чайкендское отделение, не считая телеграфистки, обслуживалось всего двумя работниками: начальником Месропяном и письмомосцем (он же телефонист) Алиханом. Ни тот, ни другой без ущерба для работы почты взяли на себя перевозку денег не могли. В связи с этим следует признать, что задержка денег произошла по причинам, в которых нет ничего уличающего Месропяна. Народный суд признал, что проникновение в помещение почты посторонних лиц было невозможно, так как в 3 метрах от дверей почты находился склад сельпо, охранявшийся ночным сторожем Ханбаба Демидовым. Этот довод неубедителен. Неубедительность его видна хотя бы из того, что накануне ночью был обворован склад сельпо. Указанное обстоятельство отмечено в самом приговоре.

Из показаний Ханбаба Демидова видно, что он охраняет 6 точек и, кроме того, в течение ночи 3—4 раза уходит греться в колхозную конюшню. Если при наличии сторожа воры могли проникнуть в склад сельпо, то тем легче они могли проникнуть в помещение почты, которое никем не охранялось. Кроме того, следует иметь в виду, что Месропян на суде и в своих жалобах обвинял в краже денег Ханбаба Демидова при участии Алихана и его двух родственников, уже судившихся за кражи.

Мать Месропяна 9 декабря действительно была больна и оставалась дома одна. При тех отношениях, которые существовали между Месропяном и 18-летним Алиханом, нет ничего неестественного в том, что Месропян попросил его посидеть у матери. Алихан вернулся на почту в 9 час., оставался там вместе с Месропяном до 11 час., после чего Алихан запер помещение почты, опечатав дверь и оба ушли домой.

Суд признал установленным, что Месропян воспользовался отсутствием Алихана с 7 до 9 часов вечера, присвоил деньги и в это именно время в целях симуляции произвел взлом запоров и железной кассы. Алихан же в 11 час. запер дверь, не заметив, что «запоры с внутренней стороны были ослаблены» (из приговора). Установлено, что 10 декабря, когда Алихан в 8 час. утра стал открывать дверь почты, выпал запор с запертым замком. Хотя запор на дверях еле держался и достаточно было дотронуться до замка, чтобы он выпал вместе с запором, все же можно допустить, что, запирая 9 декабря в 11 час. ночи дверь почты, Алихан этого не заметил. Но как мог Алихан не заметить тех разрушений, которые были внутри помещения: разбросанных по полу пакетов, раскрытой железной кассы и валявшейся на полу оторванной внутренней крышки кассы. На этом вопросе народный суд не остановился. Не видеть этих разрушений, если бы они действительно были произведены Месропяном, Алихан не мог, так как почтовое отделение занимало одну комнату, где находились и Месропян и Алихан, а также железная касса. Ссылаясь на показания сторожа Ханбаба, суд утверждает, что Месропян в течение ночи дважды подходил к помещению почты: в 12 часов ночи и «через два часа 30 минут после двенадцати часов ночи».

По делу установлено, что ключ от помещения почты и печать, которой запечатывалась дверь почты, находились у Алихана. Следовательно, проникнуть в помещение почты Месропян не мог. Утверждение суда о том, что Месропян дважды подходил к почте, ни на чем не основано. Свидетель Ханбаба, на которого сослался суд, показал, что он видел Месропяна и Алихана в 11 или 12 часов ночи, когда они вместе запирали почту, и потом через час, когда пришел Месропян, проверил запор и ушел. Месропян жил в 300 метрах от почты, нет ничего странного и неестественного в том, что он вышел проверить запоры — тем более, что почта никем не охранялась, а деньги еще не были отправлены.

Народный суд сослался на показания свидетеля Исы Рустам-оглы, который 10 декабря на рассвете видел Месропяна, возвращавшимся со стороны почты. В чем уличает Месропяна этот факт, суд не указал. Из показаний свидетеля

Исы видно, что это было тогда, когда Алихан шел сообщить Месропяну о происшедшей краже, т. е. после 8 часов утра. Месропян объяснил, что он шел из уборной и встретил Ису.

По поводу отказа в выдаче страховой премии Месропян объяснил, что у него в кассе не было денег. Когда же двое клиентов несколько раз повторили свои просьбы о выдаче им денег, он им сказал, что даст завтра. Одной клиентке он отказал в выдаче денег потому, что деньги были адресованы не ей, а сыну. В протоколе судебного заседания нет расшифровки этого заявления, противоречащего факту нахождения в кассе свыше 17 тыс. руб. Это заявление можно понять в том смысле, что в кассе не было оперативных средств. Деньгами же в сумме 14 500 руб. и 3000 руб. Месропян не вправе был распоряжаться.

В ответ на вопрос свидетеля Абрамяна, кто похитил деньги, Месропян заявил: «или я или Алихан». Суд привел этот ответ как улику против Месропяна, не поняв наместки, которая содержится в этом ответе. При всех указанных выше обстоятельствах обвинение Месропяна нельзя признать доказанным. Поэтому, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда 2-го уч. Красносельского района и определение Верховного суда Армянской ССР в отношении Месропяна отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить за недоказанностью обвинения.

33. Обвинение не может быть основано на доказательствах, находящихся в противоречии с другими доказательствами, не только не опровергнутыми, но полностью подтвержденными материалами дела

Дело Ефремова. Осужден народным судом 1-го спецучастка Красногвардейского района г. Москвы по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР. Определение от 16 мая 1945 г.

[Извлечение].

Строителева признана виновной в том, что, работая директором магазина № 53 Горпромторга и получив по наряду 4-й базы Мосоптпромторга 500 кг технического мыла, совместно с осужденной Куркиной продала это мыло до 100 руб. за 1 кг, выручив около 40 тыс. рублей. За отпуск технического мыла дала взятку в сумме 18 тыс. руб. осужденному Ефремову. Ефремова суд признал виновным в том, что, работая старшим товароведом на базе № 4 Мосоптпромторга, он выдал Строителевой наряд от 17 февраля 1944 г. на получение 500 кг технического мыла лучшего качества и получил от Строителевой взятку 18 тыс. рублей. Полученные деньги поделил с Зотовым за то, что последний отпустил мыло лучшего качества.

Строителева дала противоречивые показания. Она утверждала, что деньги Ефремову она передала в присутствии Куркиной. Однако Куркина это показание не подтвердила. Кроме того, Строителева в своих показаниях ссылалась на Зарецкую, но последние отрицала показания Строителевой.

Таким образом, показания Строителевой, как не подтвержденные другими данными дела, нельзя признать достаточными для обвинения Ефремова в получении взятки. Вывод суда о том, что Ефремов отпустил мыло лучшего качества, не находит себе подтверждения в материалах дела. Ефремов сам вообще мыла не отпускал, а лишь выдавал наряд на это мыло. Ссылка суда на то, что мыло было отпущено лучшего качества через Зотова, с которым якобы Ефремов поделился полученными им деньгами, также не находит себе подтверждения в материалах дела. В отношении Зотова Московский городской суд дело производством прекратил.

Ввиду изложенного Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда 1-го спецучастка Красногвардейского района г. Москвы и последующие определения Московского, городского суда и Верховного суда РСФСР в отношении Ефремова отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

34. Обвинительный приговор не может быть основан на противоречивых данных, выяснение которых существенно влияет на решение вопроса о виновности

Дело Рашидова. Осужден Самаркандским областным судом по ст. 128-а УК Узбекской ССР. Определение от 12 мая 1945 г.

Рашидов признан виновным в том, что он, будучи военнообязанным, уклонился от воинского учета и призыва в Красную Армию. В деле имеются противоречивые данные, на основании которых нельзя прийти к выводу о виновности Рашидова. По акту медицинского освидетельствования от 6 марта 1944 г. Рашидов значится 1925 г. рождения, а по утверждению осужденного и по справкам Чакир-Чукурского сельсовета от 25 июля 1944 г. за № 133 и правления колхоза «Иттифак» от 20 июля 1944 г. за № 90 Рашидов значится 1928 г. рождения. Между тем, уточнение возраста Рашидова имеет решающее значение по делу.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Самаркандского областного суда и определение Верховного суда Узбекской ССР по делу Рашидова отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

35. Обвинение не может быть основано на предположениях, не подкрепленных никакими данными по делу

Дело Комлякова. Осужден народным судом 1-го уч. г. Нукус Кара-Калпакской АССР, по ч. 2 ст. 231 УК Узбекской ССР (разбой). Определение от 16 мая 1945 г.

[Извлечение].

Рыжов и Комляков признаны виновными в том, что они, имея между собой преступную связь, пьянствовали и учиняли скандалы, а в ночь на 1 ноября ограбили гр-на Аимбетова, отняв у него часы, ручку, блокнот и партийный билет, причем нанесли ему побой.

В отношении Рыжова обвинение в том, что он ограбил Аимбетова, установлено показаниями свидетелей. Он был задержан на месте преступления, причем обыском у него были обнаружены предметы, принадлежавшие Аимбетову.

Что же касается Комлякова, обвинение его нельзя признать доказанным. Приговор основан лишь на предположении, что он являлся соучастником Рыжова во время ограбления Аимбетова. Основанием для это послужило то обстоятельство, что незадолго до грабежа он находился с Рыжовым и потерпевшим Аимбетовым в одном ресторане. Других данных в деле нет, а на месте происшествия Комлякова никто не видел.

По показаниям Рыжова они после закрытия ресторана разошлись в разные стороны.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

В отношении Комлякова приговор народного суда 1-го уч. г. Нукус и определение Верховного суда Кара-Калпакской АССР отменить и дело производством прекратить, освободив Комлякова из-под стражи.

00051003

ЮФ СПбГУ